Спор о взыскании убытков. Как меняется подход судов к причинно-следственной связи

Александр Александрович Ягельницкий,

к. ю. н., магистр юриспруденции (РШЧП), ассистент кафедры гражданского права МГУ им. М. В. Ломоносова, доцент РШЧП

Олеся Дмитриевна Петроль,

магистр юриспруденции (РЧШП), частнопрактикующий юрист, лектор факультета права МВШСЭН

Причинно-следственная связь является одним из сложнейших условий гражданско-правовой ответственности. При этом познавательная ценность сравнительно-правового инструментария в этом вопросе достаточно ограничена. Основной задачей деликтного права является разграничение вредоносных социальных взаимодействий, остающихся в имущественной сфере потерпевшего и не создающих обязанности по компенсации, и тех, при которых причиненный вред должен быть возмещен другим лицом — причинителем. Разные правопорядки используют различный инструментарий для очерчивания круга вредоносных взаимодействий, порождающих обязанность возмещения. Хотя причинно-следственная связь известна всем основным европейским правопорядкам и американскому тоже. Ее роль при ограничении круга подлежащих возмещению случаев от правопорядка к правопорядку различается в зависимости от того, насколько уже ограничен этот круг посредством других инструментов: юридически значимого вреда, duty of care, противоправности и вины. В российском праве смысловая нагрузка причинно-следственной связи до конца не определена. Ниже мы рассмотрим два сравнительно узких, но имеющих определенное практическое значение вопроса, касающихся установления места причинно-следственной связи: является ли причинно-следственная связь вопросом права или факта и на кого возлагается бремя утверждения или доказывания причинно-следственной связи.

Суды часто трактуют причинно-следственную связь как факт, который необходимо доказать

До недавнего времени суды при рассмотрении требований об убытках использовали ставшую шаблонной фразу: «Для взыскания убытков лицо, требующее их возмещения, должно доказать нарушение своего права, наличие причинной связи между нарушением права и убытками, а также размер убытков»1. Это правило не закреплено в законе. Но его настолько твердо усвоили судьи, что продолжают его воспроизводить даже после того, как Пленум Верховного суда прямо исключил размер убытков из бремени доказывания истца (п. 12 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»; далее — Постановление Пленума № 25).

Эта устоявшаяся, регулярно повторяемая в судебных актах фраза как будто является импликацией из ст. ст. 15, 393, 1064 ГК РФ, ст. 56 ГПК РФ и ст. 65 АПК РФ об общем правиле о распределении бремени доказывания, из которого, видимо, и выводится отношение к причинно-следственной связи как к обстоятельству, а следовательно, к вопросу факта2.

Разграничение вопросов права и факта имеет существенное практическое значение, в том числе, для определения сферы компетенции различных судебных инстанций. Допустим, наличие либо отсутствие причинно-следственной связи действительно относится к обстоятельствам. Это значит, что финальное суждение по вопросу о том, наличествует ли причинно-следственная связь между действием и вредом, должен сделать суд первой либо апелляционной инстанции.

Позиция российских судов не вполне ясна. С одной стороны, выражение «доказать причинно-следственную связь» прочно укоренилось в доктрине и устойчиво вошло в тексты судебных актов. Суды нередко характеризуют причинно-следственную связь как обстоятельство, факт, и отказывают истцу в удовлетворении требования по мотиву недоказанности. В судебных актах можно встретить режущее слух выражение «факт наличия причинно-следственной связи» (постановления АС Восточно-Сибирского округа от 13.05.2015 по делу № А19-11611/2014, Московского округа от 19.08.2015 по делу № А40-105304/2010). Впрочем, такое словоупотребление не стало господствующим.

Отнесение причинно-следственной связи к обстоятельствам, казалось бы, должно означать, что кассационные суды лишены возможности установить наличие или отсутствие причинно-следственной связи вопреки мнению нижестоящих судов. Часто окружные суды, когда заявители ставят перед ними вопрос об ошибочности вывода о причинности, отказываются обсуждать этот вопрос, ссылаясь на ограниченность полномочий суда кассационной инстанции по ст. 286 АПК. Однако нередко суды демонстрируют противоположный подход.

Практика. Президиум ВАС РФ рассматривал вопрос о возможности взыскания с Федеральной таможенной службы убытков, возникших у общества с ограниченной ответственностью в связи с изданием незаконного нормативного правового акта. Процессуальная ситуация по делу была следующей: суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу, что истец не доказал причинно-следственную связь, и отказали в иске; окружной суд с этим согласился. ВАС РФ ранее состоявшиеся судебные акты отменил, иск удовлетворил. Такой подход можно рассматривать как косвенное подтверждение того, что вопрос об отсутствии либо наличии причинно-следственной связи является вопросом права, и надзорный суд вправе разрешить его самостоятельно (постановление Президиума ВАС РФ от 17.01.2012 по делу № А40-89211/10-30-762).

Похожая ситуация была и в другом деле. Суды отказали в иске о взыскании со страховой компании убытков в виде процентов, которые заемщик уплатил кредитору в период со дня, когда страховая выплата в связи с гибелью застрахованного имущества должна была быть произведена, до дня фактического погашения. Президиум ВАС РФ отменил судебные акты и взыскал убытки, то есть вновь установил причинно-следственную связь, которая судами не устанавливалась (постановление от 24.04.2012 по делу № А79-12041/2010).

Впрочем, с учетом неопределенности в том, входило ли в полномочия Президиума ВАС РФ установление фактов3, само по себе это едва ли является убедительным доказательством отнесения наличия или отсутствия причинно-следственной связи к правовым вопросам (ч. 4 ст. 305 АПК РФ в ранее действовавшей редакции). Однако даже в этом деле Президиуму было необходимо и установить размер убытков, и оценить доказанность невиновности ответчика — вопросы, вероятнее всего, относящиеся к вопросам факта.

Даже надзорная инстанция может сделать вывод о наличии или отсутствии причинно-следственной связи

После ликвидации Высшего арбитражного суда Коллегия Верховного суда по экономическим спорам продолжила практику несогласия с нижестоящими судами по вопросу о наличии либо отсутствии причинно-следственной связи.

Практика. Коллегия рассматривала требование о возврате штрафа, уплаченного по впоследствии отмененному постановлению мирового судьи. Сумму штрафа истец квалифицировал как убытки, причиненные составлением территориальным органом МЧС протокола по делу об административном правонарушении. Перед Коллегией возник вопрос о том, находится ли составление протокола об административном правонарушении в причинно-следственной связи с уплатой штрафа. Нижестоящие суды установили отсутствие причинно-следственной связи, отметив, что штраф как вид административного наказания был назначен судебным актом — постановлением мирового судьи, и в удовлетворении иска отказали. Судебная коллегия по экономическим спорам решения нижестоящих судов отменила, иск удовлетворила.

Следовательно, Коллегия установила наличие причинно-следственной связи, хотя прямо в тексте судебного акта на это указано не было.

По другому делу суды первой и апелляционной инстанции, поддержанные судом округа, взыскали убытки, причиненные подрядчику несвоевременной оплатой работ заказчикам и выразившиеся в неустойках, уплаченных поставщикам и субподрядчикам. Судебная коллегия решение отменила, в удовлетворении иска отказала, сделав в тексте судебного акта суждения, относящиеся к причинно-следственной связи.

Цитата: «Не оплатив своевременно поставленные товары, общество не приняло разумных мер для исключения возникновения убытков либо уменьшения их размера»; «Также следует отметить, что ответчик, не являясь стороной договоров поставки, не имел возможности повлиять на размер неустоек, предусмотренных истцом и его контрагентами, ставки которых существенны и составляют 0,1% и 0,2% от суммы просроченного платежа за каждый день просрочки исполнения обязательства» (определение ВС РФ от 15.12.2015 по делу № А50-17401/2014).

Основная проблема в этом деле в том, что по существу сформулировано правило о невозможности причинения убытков неисполнением денежного обязательства, а средства защиты кредитора по денежному обязательству исчерпываются неустойками или процентами. Неочевидно, почему это так. Представляется, что, даже сделав суждение об отсутствии причинно-следственной связи между нарушением ответчиком обязательства и полной суммой уплаченных неустоек, Коллегия могла бы направить дело на новое рассмотрение в части вопроса о том, каков разумный размер неустоек, либо под какие проценты ответчик мог получить денежные средства из другого источника.

Возможно, аналогичный подход будет продемонстрирован Судебной коллегией по делу об убытках, причиненных недостоверной оценкой. Суды трех инстанций иск удовлетворили, а Судебная коллегия все акты по делу отменила, в удовлетворении иска отказала; судя по определению о передаче дела на рассмотрение коллегии, высока вероятность снова встретиться с несогласием судей Верховного суда с нижестоящими судами по вопросу о причинно-следственной связи (определение ВС РФ от 13.11.2015 по делу № А09-6803/2014).

В соответствии со ст. 291.11 АПК РФ к рассмотрению дел «второй кассацией» применяется принцип первой кассации: при рассмотрении дела в порядке кассационного производства Судебная коллегия Верховного суда не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции.

В практике окружных судов также встречаются случаи отмены судебных актов первых двух инстанций об отказе в иске о компенсации убытков, вынесенные со ссылкой на отсутствие причинно-следственной связи, с вынесением решения об удовлетворении иска (постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 31.01.2014 по делу № А03-3550/2013).

Если бы причинно-следственная связь в действительности была обстоятельством, фактом, то все описанные выше судебные акты можно было бы охарактеризовать как страдающие от существенного порока и вынесенные с превышением компетенции.

Однако представляется, что избранный Судебной коллегией подход полностью объясняется тем, что судьи не считают вопрос о наличии либо отсутствии причинно-следственной связи вопросом факта. Установление фактических обстоятельств завершается тогда, когда суд первой или апелляционной инстанции, исходя из представленных доказательств, делает вывод о доказанности набора фактов и их хронологической последовательности. Например, ответчик повредил вещь истца, истец заключил договор об аренде аналогичной вещи и уплатил арендную плату, период пользования аналогичной вещью совпал с временем ремонта поврежденной вещи и др. На этом исключительная компетенция первых двух инстанций заканчивается.

Вопрос, верно ли, что арендная плата за пользование аналогичной вещью находится в юридически значимой причинно-следственной связи с повреждением вещи, является вопросом правовой квалификации. При решении вопроса о том, вызвано ли внесение арендной платы за аналогичную вещь повреждением первоначальной вещи истцом, суд попутно разрешает ряд вопросов: ясна ли хозяйственная цель аренды аналогичной вещи; могла ли эта хозяйственная цель быть достигнута иным путем, помимо аренды аналогичной вещи; имеются ли какие-то внешние, привходящие обстоятельства, которые обусловили заключение договора аренды аналогичной вещи; является ли арендная плата, с учетом всех обстоятельств, соразмерной плате, взимаемой за такие вещи в соответствующей местности, и др.

Оценка совокупности установленных по имеющимся доказательствам фактов позволяет суду, применяя сложившиеся в правопорядке критерии, квалифицировать действие ответчика как причину заявленных истцом убытков, и это действие является правовой квалификацией. Примерно то же самое происходит, когда суд, установивший заключение соглашения, по которому одна сторона обязуется передать вещь, а другая — оплатить ее, дает такому соглашению правовую квалификацию как договору купли-продажи.

Исключительно правовой характер причинно-следственной связи и минимальное, далеко не во всех случаях, значение естественнонаучной причинной связи для права отмечались в литературе. Так, даже на первой стадии установления причинно-следственной связи (conditio sine qua non/but-for test) выясняется следующее. Правовое суждение о наличии причинно-следственной связи не является механическим описанием физических причин и следствий, а осложнено морально-этической и политико-правовой оценкой4. Так, в случае если дом был поврежден в результате неправомерного действия, а через непродолжительное время был уничтожен силой природы, неочевидно, к чему приведет тест conditio sine qua non. Ведь даже если бы причинитель не повредил дом, он все равно был бы уничтожен почти немедленно. В литературе указывается, что уже на стадии установления фактической причинно-следственной связи в предложенном деле разные правопорядки дают различные решения5. Излишне говорить, что более сложный вопрос о выборе из круга conditio sine qua non того из обстоятельств, с которым будет связана обязанность по возмещению, не может являться ничем иным, как правовой квалификацией6.

В связи с изложенным позиция Судебной коллегии, делающей собственное суждение о наличии либо отсутствии причинно-следственной связи, представляется верной, в отличие от подхода тех из окружных судов, которые во многих случаях отказываются высказаться по вопросу о причинности со ссылкой на недостаток полномочий. У суда кассационной инстанции, безусловно, есть право давать квалификацию обстоятельствам, установленным нижестоящими судами. Соответственно отказ кассационного суда рассматривать довод об ошибочном суждении нижестоящих судов по вопросу о наличии или отсутствии причинно-следственной связи не обоснован.

Бремя утверждения (доказывания) причинно-следственной связи

Даже если допустить, что вопрос наличия причинно-следственной связи является вопросом факта, как минимум в отношении внедоговорного причинения вреда неочевидно, подразумевает ли Гражданский кодекс РФ доказывание наличия причинно-следственной связи истцом.

В пункте 1 ст. 1064 ГК установлено общее правило: «Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред». Первое предложение п. 2 той же статьи устанавливает: «Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине».

Указание на вред, причиненный личности или имуществу, и на причинившее лицо вред в п. 1 ст. 1064 ГК единодушно рассматривается в отечественной доктрине в качестве указания на причинно-следственную связь как на условие деликтной ответственности7.

Пункт 2 ст. 1064 ГК, безусловно, переносит на ответчика бремя доказывания определенных обстоятельств. В российской доктрине укоренилось мнение, что п. 2 возлагает на ответчика бремя доказывания отсутствия его вины. Между тем в придаточном предложении «если докажет, что вред причинен не по его вине» тоже есть слово «причинен».

Стало быть, если допустить, что причинно-следственная связь — это факт, обстоятельство, которое можно доказать, то п. 2 ст. 1064 в отрыве от иных норм вполне может быть истолкован как возлагающий на ответчика бремя доказывания отсутствия причинно-следственной связи. Более того, если уж признавать, что приведенное правило в вопросе о вине переносит бремя доказывания на ответчика, то не вполне понятно, почему в отношении доказывания причинно-следственной связи бремя доказывания не переносится. Однако если посмотреть на п.п. 1 и 2 в совокупности, получится весьма странное сочетание: с одной стороны, п. 1 вроде бы предполагает, что по общим правилам

искового производства причинно-следственную связь доказывает истец, с другой — п. 2 говорит, что отсутствие причинно-следственной связи доказывает ответчик.

Это, на наш взгляд, подтверждает ошибочность подхода к причинно-следственной связи как к обстоятельству. Пункты 1 и 2 содержат в себе скрытую норму права: некие обстоятельства признаются правопорядком, юридически значимыми причинами вреда. Описание того, что будет пониматься под юридически релевантной причиной, в тексте закона невозможно: во всех основных европейских правопорядках содержание понятия «причина» определялось судебной практикой8. Истец доказывает наличие действий ответчика, которые квалифицируются как противоправные, и наличие убытков; а суд дает правовую квалификацию связи между этими двумя событиями — соответствует ли эта связь содержанию вербально едва выраженной в законе нормы о причинно-следственной связи или нет.

В таком случае п. п. 1 и 2 ст. 1064 ГК не содержат в себе никакого противоречия: истец утверждает (но не доказывает), что между действием ответчика и вредом имеется значимая причинно-следственная связь, и доказывает только действия ответчика и вред. Ответчик вправе утверждать, что причинно-следственная связь отсутствует, и приводить доказательства наличия иных обстоятельств, вмешавшихся в цепочку причинности и оборвавшую связь вреда с действиями ответчика, а также предлагать суду дать правовую квалификацию предложенных ответчиком обстоятельств как причины вреда. Суд на этапе установления фактов определяет: имелось ли действие ответчика; имелся ли вред; имелись ли обстоятельства, не относящиеся к поведению ответчика, которые ответчик предлагает считать причиной вреда. Далее суд дает уже правовую квалификацию — являются ли какие-то из доказанных сторонами обстоятельств причинами вреда, и если да, то какие.

Перенос бремени доказывания причинно-следственной связи

Рассмотрение причинно-следственной связи как факта и возложение на истца бремени доказывания такого обстоятельства в ряде случаев приводило бы к очевидно несправедливым последствиям. В результате этого в практике российских судов обнаруживается явление, которое можно охарактеризовать как перенос бремени доказывания причинно-следственной связи. Можно выделить как минимум три группы таких дел.

Первая категория — дела, где вред причинен при оказании медицинских услуг. Так, в обзоре практики Красноярского городского суда изложено следующее дело. Гражданин обратился в суд с иском к больнице о компенсации морального вреда. Требование он обосновал тем, что в период нахождения на лечении его заразили гепатитом С. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, возможность наличия у гражданина хронического гепатита С до поступления в стационар больницы исключена, заражение произошло в период нахождения и оперативного лечения в указанной больнице.

Заражение возможно как через переливание донорской крови, так и парентеральным путем, а именно через медицинский инструментарий. Доноры, кровь которых была использована при лечении гражданина, были обследованы на наличие вируса гепатита С, результаты обследования отрицательные. Оценивая обстоятельства дела и учитывая, что бесспорных доказательств того, что заражение гражданина гепатитом С произошло в результате переливания ему донорской крови либо каким-либо иным путем, кроме парентерального, не представлено, суд удовлетворил иск. Краевой суд решение оставил в силе, поскольку «судом первой инстанции тщательно исследованы обстоятельства дела, им дана надлежащая правовая оценка: ответчик не представил доказательств того, что заражение гражданина произошло не во время лечения, а в другом учреждении либо при переливании крови» (Обзор практики рассмотрения судами Красноярского края споров, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг от 24.04.2006, разд. «Судебно-медицинская экспертиза по делу»).

Оставляя за пределами вопрос о противоправности действий больницы (который разрешен судом, вероятнее всего, верно), нельзя не отметить, что преобладающий подход «истец должен доказать причинно-следственную связь» в этом деле привел бы к выводу об отказе в удовлетворении иска: эксперт заключил, что неизвестно, были инфицированы инструменты или нет, а, стало быть, истец не доказал, что медицинская манипуляция ответчика привела к инфекции истца. Однако суд, даже следуя логике причинности как факта, смог достигнуть справедливого результата посредством якобы переложения бремени доказывания.

В другом показательном деле у истицы после проведенного маникюра было обнаружено заболевание рук — панариций. В ходе рассмотрения иска к маникюрному салону была назначена судебно-медицинская экспертиза, установившая, что «процедура маникюра <…> предполагает манипуляции с кожей пальцев <…> при которых возможность травмирования кожи пальцев рук не исключена. Однако достоверных данных, свидетельствующих о причинении Т. травмы (нарушении целостности кожного покрова пальца/пальцев рук) при проведении ей маникюра <…> не выявлено. Таким образом, установить причинно-следственную связь между установленным у Т. заболеванием <…> и проведением ей процедуры — маникюра <…> не представляется возможным. Достоверных данных, свидетельствующих о причинении вреда здоровью Т. при проведении ей маникюра,<…> в представленных медицинских документах не имеется». Несмотря на такой вывод эксперта, суд первой инстанции и поддержавший его апелляционный суд, учитывая, что «ответчиком не представлено доказательств того, что заболевание возникло у истицы не вследствие действий ответчика, а вследствие каких-либо иных причин», иск удовлетворили (определение Санкт-Петербургского городского суда от 06.02.2013 № 33-1712).

В рассмотренных делах суды столкнулись с вопросом о том, на ком лежит риск объективной невозможности, при имеющемся состоянии науки и техники, указать естественно-правовую, медицинскую причину заболевания истцов. Применение теста

conditio sine qua non здесь ничего не дало бы: суд никак не может установить, что было бы, если бы ответчики в рассматриваемых делах не производили медицинских манипуляций над истцами.

Вторая категория — дела, где вероятная причина возникновения вреда произошла на подконтрольной ответчику территории. В таких случаях сложность доказывания естественнонаучной причины вреда обусловлена не технической невозможностью, а конкретными обстоятельствами дела. Так, в случаях повреждения трубопровода истца, залива или пожара, возникшего на территории ответчика ввиду достоверно не установленной причины, суды, удовлетворяя иски, в ряде случаев прямо указывают в тексте судебных актов, что ответчик не доказал иные причины наступления вреда. Например, вред, причиненный протечкой трубопровода ответчика: «Иные обстоятельства либо причины аварии ответчиком не доказаны» (постановление ФАС Северо-Западного округа от 20.08.2013 по делу № А56-4092/2012); залив: «существование иной причины затопления помещений истца ответчиками не доказано (ст. 65 АПК РФ)») (постановление ФАС Уральского округа от 10.09.2012 по делу № А47-4463/2011); пожар, начавшийся на территории истца по неустановленной причине: «…на какие-либо обстоятельства, свидетельствующие о возможном наличии иных причин возгорания на спорном объекте (в том числе неисправности, перегрева, возгорания электропроводки), ответчиком не указано, их наличие не доказано» (постановление ФАС Уральского округа от 28.11.2011 по делу № А60-8935/2011).

Третья категория — дела, где сложно доказать конкретное совершенное ответчиком неправомерное действие и, соответственно, причинно-следственную связь в ситуациях, когда государственным органом изъято и в последующем утрачено или повреждено имущество. По делу об утрате заложенного имущества судебным приставом Президиум ВАС РФ expressis verbis указал, что «взыскатель не обязан подтверждать вину и причинно-следственную связь между конкретными действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя, отвечающего за сохранность арестованного имущества, и утратой имущества, даже если эта утрата произошла по вине других лиц» (постановление от 16.04.2013 по делу № А56-55948/2011). Возможно, абз. 3 п. 83 постановления Пленума Верховного суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» свидетельствует о том, что изложенная в этом деле правовая позиция о переносе бремени доказывания причинно-следственной связи переросла в строгую (безвиновную) ответственность государства.

По другому делу убытки, вызванные повреждением изъятого следователем имущества, признаны окружным судом находящимися в причинно-следственной связи с действиями следственного органа с указанием на недоказанность ответчиком иных причин вреда: «при этом в нарушение части 1 статьи 65 АПК РФ ответчик не доказал, что повреждение оборудования явилось следствием иных причин» (постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 14.02.2012 по делу № А03-13699/2010).

Во всех перечисленных группах суды обосновывали принятое решение переносом на ответчика бремени доказывания причинно-следственной связи. Как было показано выше, такое решение не противоречит буквальному тексту п. 2 ст. 1064 ГК РФ, хотя в действительности суды устанавливали лишь гипотетическую возможность того, что действиями ответчика причинен вред истцу, и учитывали вероятность того, что указанное истцом действие было причиной, но не достоверную, бесспорную причину.

Даже если признавать причинно-следственную связь обстоятельством, то описанный выше подход судов можно дополнительно подкрепить позицией о стандарте доказывания убытков, окончательно оформившейся в Постановлении Пленума № 25. Так, размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности (абз. 2 п. 12). Есть подозрение, что фраза о «разумной степени достоверности» должна распространяться не только на стандарт доказывания размера убытков, но и на стандарт доказывания причинно-следственной связи9.

Вместе с тем представляется, что под маской «переноса бремени доказывания» судьи давали правовую квалификацию одному из доказанных в деле фактов (поведению ответчика) в качестве причины в юридическом смысле. В указанных трех категориях дел по существу был использован подход, при котором суд устанавливает в качестве юридически значимой причины то обстоятельство, которое с определенной долей вероятности было причиной вреда, или, иными словами, то обстоятельство, которое серьезно увеличило риск наступления неблагоприятного последствия.

Представляется, что хотя конвенциональное словоупотребление характеризует причинно-следственную связь как обстоятельство, подлежащее доказыванию, в действительности в судах прослеживается тенденция рассматривать вопрос о наличии либо отсутствии причинно-следственной связи как вопрос права, вывод по которому может сделать суд кассационной или даже надзорной инстанции. Далее, в судах формируется тенденция под видом «переноса бремени доказывания причинно-следственной связи» устанавливать в качестве причины действие ответчика, которое с некоторой, но не стопроцентной вероятностью было причиной убытков на стороне истца.

Последний подход подтверждает, что установление причинно-следственной связи видится судами как правовое суждение, а не установление какого-то реально существующего факта. Признание того, что установление некоего обстоятельства как причины вреда является вопросом правовой квалификации, не связанной напрямую с естественнонаучной причиной вреда, может стать одним из направлений появления в России более сложных деликтных исков (альтернативная причинность; пропорциональная ответственность; кумулятивная и вытесняющая причинно-следственная связь; утрата шанса и др.10).

1 Будылин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 4. С. 34–66.

2 См. об этом: Будылин С. Л. Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. 2014. № 2. С. 79 и след.

3 См., напр.: Борисова Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам. М., 2006. С. 228–229.

4 См. об этом: Егоров А. В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2006. С. 76.

5 Spier J., Haazen O. Comparative conclusions // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. The Hague, 2000. P. 142.

6 Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. Wien, 2012. P. 132–133.

7 См., напр.: Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 2. Автор главы С. М. Корнеев.

8 Dam C. van. European Tort Law. NY, 2013. P. 307; Гражданское уложение Российской Империи с объяснениями. Кн. 5. Т. 5. СПб., 1989. С. 445.

9 См. краткий обзор мнений о стандарте доказывания: Шемелин Д. А. Изменение стандарта доказывания в международном арбитраже // Новые горизонты международного арбитража: сборник статей. Вып. 1 / под ред. А. В. Асоскова и др. М., 2013.

10 Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement: Some Comparative Notes // William Mitchell Law Review. Vol. 37 (3). P. 1602–1629.